

[ПАМЯТИ ПОЭТА]

Василий КАЗАНЦЕВ

(1935-2021)

Александр БАЛТИН

СВЕТОВАЯ ВЕСТЬ ВАСИЛИЯ КАЗАНЦЕВА

Акварельно-сквозящие пейзажи, дающие ощущение слитности с природой, неразрывного единства: и – самоощущения космоса природы, будто Василий Казанцев чувствует её самой сердцевиной сердца: вместе ощущая и её, природы, неисследованное никем сердце:

Густой, свалявшейся одета
Земля травой. Поверх травы –
Вода от снега. Сколько света –
В лесу! Простора! Синевы!
Копыта свежий, резкий оттиск.
Ветвей опущенных витьё.
В стволе осины – промельк. Отблеск –
Луча?
Мой взгляд?
Лицо твоё?

Поэзия является одновременно и тончайшим механизмом исследования: причём таких реалий, которые исследованию иными способами не подлежат, и – квинтэссенцией души.

И сгустками словесной красоты – собственно, если посмотреть в корень, стихи являются своеобразной суммой сумм; и каждый поэт выводит корень квадратный бытия по-своему.

У В. Казанцева он связан, прежде всего, с чувством Родины: тонким и высоким, нежным, дающим духовный хлеб и необходимое сердцу души млеко...

Свет погашен. Глухо, тихо в лиственном краю.
Начинает комариха песню петъ свою.
Тонким звуком сердце ранит, как иглой ведёт.
Длинно тянет, тянет, тянет, не передохнёт.

Тьма чернеет. Долгий, ровный, как издалека,
Слабый голос. Стон любовный? Смертная тоска?

И комариха, становящаяся персонажем стихотворения, достойна внимания в не меньшей мере, чем кто-либо, или что-либо; и лёгкое ощущение волшебной неопределённости, оставляемой стихотворением, берedit душу.

Непокой необходим: духовный жир чреват, опасен, может привести к дурным последствиям; постоянный творческий непокой, энергия горенья были присущи Казанцеву в высокой мере.

Только на этом – пусть не слишком комфортном для обыденного бытования пути – возможны поэтические откровения, свершения, сам космос поэзии.

А космоса в наследии Казанцева много: он ощущается и в лёгком пианистическом туше строк и строф, и в хорошей связанности с линиями многих классиков: разумеется, разработанными уже по-своему:

Прохладной сырости наплывы.
Внезапной свежести прилив.
Кусты. Как шёпот торопливый,
Прерывистый – листвы порыв.
Сквозь лёгких веток блеск дрожащий
Невидимое до конца
Воды мерцанье. Как горящий,
Меняющийся свет лица.

Фет, кажется, благосклонно улыбается в беспредельности, исключаяющей смерть, внимая оным строкам, где пейзаж перехвачен серебряными нитями психологизма.

Шкала тонкости не разработана в психологии, и – тем паче – в литературоведении: и восприятие поэтического текста именно, как тонкого – чуть ли не доказывающего существование тонких, так плотно закрытых от нас миров – связано с бездной, заложенной в каждом человеческом душевном составе:

Смородина поспела, переспела.
Поджаренно усохла на корню.
Среди зимы подголубленно-белой
К губам сухую ветку приклоню.
Гроздь потеплеет и залиловет.
И ветвь неясно вспомнит о листе.
Как будто сердце зябкое овеет
Не красота – лишь мысль о красоте.

Заложенной, но спящей, в основном, поэзия может разбудить: такая виртуозная, какую предлагал прагматичному миру и иссутившемуся граду Василий Казанцев – уж точно.

Тут гроздь даётся, как весть, а смородина становится символом бесконечного круга бытия, и ветвь, вспоминающая о листе, поражает витальной силой...

Бесконечная сила жизни!

Она разлита во всех стихотворениях поэта: возникая сильнее, ярче, иногда тише, приглушённо; воистину есть субстанция жизни, одухотворяющая её, полнящая и воздух пространства, и воздух индивидуальных миров...

Вертикаль, влекущая выше и выше, чётко возникает, и что выражается она стволем, древесною силой, свидетельствует о своеобразии восприятия действительности поэтом:

Ужель это я, как к земле припадая,
Вдыхая – так близко! – сухую смолу
И ветки засохшие грудью сминая
Карабкался вверх по литому стволу?
И вот оно – небо. Бесплотное и сине.
Прохладная ветвь шелковисто блестит.
Как радостно хвоя свистит на вершине!
Внизу она так – никогда не свистит.

Пробраться к самой вершине, к недозволенному пределу: коснуться звёзд...

В поэзии Казанцева силён привкус неба.

Лютое и вещее восприятие беды: данное через краткость почти математических формул:

Вот здесь прошла беда.
Смотрю сквозь дымку лет.
Вот – тень её следа...
Ступаю в страшный след.
Беда меня ведёт.
Беда меня крепит.
Беда меня – гнетёт.
Беда меня – хранит.

Зрелое и стоическое принятие яви, ибо таковое и должно вести человека, свершающего путь, а путь поэта – особенно в наши времена – не из простых, скорее наоборот.

Да, из сложнейших: храня заветы гармонии, умножая количество света, достигая до сердец, тронуть души, окосневшие в земных заботах, очерствевшие от житейского попечения, обросшие мхом равнодушия – и к родному слову, и ко всему прекрасному и высокому.

...Возникает вечная вода: она, речная, у Казанцева такова, будто и впрямь представляет ту – древнюю, из которой вышла жизнь; вышла, двинулась развиваться, наполняясь всё гуще и гуще различными смыслами, плотностью их, интенсивностью:

Вздувшейся речки пыланье.
Первое утро с теплом.
Первый цветок на поляне.
Первый из облака гром.

А в другом стихотворении реальность яви дана через предельную конкретику, и трактор, становящийся участником строк, представлен столь выпукло, будто видишь всю сложную механику его железного нутра:

Трава вскипает слабым плеском.
Трясина, как квашня, пыхтит.
За отдалённым перелеском
Уютно трактор тарахтит.

А дальнейшее развитие стихотворения заиграет уже не земною лёгкостью, сквозением неба, метафизическим воздухом жизни.

Как интересно совмещал планы Казанцев: конкретику с зыбкостью, запредельность – с предельно кратким (даже если относительно долгое) бытованием на земле.

И снова даётся чувство Родины: уже становящееся несколько иным, ибо соль опыта тяжелит сознание:

С каждым годом трудней и трудней
Мне с родными встречаться местами.
С тишиною над гладью полей.
Холодком – над сырими песками.

Читая, перечитывая стихи Василия Казанцева, убеждаешься, насколько поэзия может быть высокой, и сколь сильно может нести она световую весть реальности: ныне столь противоречащей поэзии вообще.

* * *

Ужель это я, как к земле припадая,
Вдыхая – так близко! – сухую смолу,
И ветки засохшие грудью сминая,
Карабкался вверх по литому стволу?
И вот оно – небо. Бесплотно и сине.
Прохладная ветвь шелковисто блестит.
Как радостно хвоя свистит на вершине!
Внизу она так – никогда не свистит.
И белое облако рядом кудрявится.
И мнится – не облако мимо плывёт,
А дерево валится, валится, валится...
Совсем наклонилось. Сейчас упадёт.
Чернеет далёкая лента дороги.
Замедленно, плавно вершина кружит.
Дрожат от усталости руки и ноги.
Бесстрашное детское сердце – дрожит.

* * *

Степи, горы прошёл и дубравы.
И на землю упал тяжело.
Ну и что, что ни счастья, ни славы
Это странствие не принесло?
И бесплодной томимый заботой
День протёк...
Оглушило, как гром,
Что-то между тоской и свободой,
Чернью вод – и ветвистым огнём.

* * *

Подвернулась неловко рука
под усталым, натруженным телом,
Грудь к земле прилегла. Сладко, сладко щека
Прикоснулась к земле... Налитым, занемелым
Воздух сделался вдруг, погустевший слегка.
О, как тянет земля! Как невидимо-тайным движеньем,

Необъятная, льнёт, припадает сама...
Гаснет свет, обволакивает с наслажденьем
Безучастное тело блаженная тьма.
Дня не помня, последних не зная мгновений,
И не слыша уже ничего,
Сном глубоким захлестнуто, без сновидений –
Спит. Никто не пробудит его.

* * *

Последний осколок заката
Бесследно погас на лету –
И тихо толпой виноватой
Деревья пошли в темноту.
И следом – притихшие травы,
И стог, и в кустах озерцо.
Куда вы, куда вы, куда вы?..
Мне холодом веет в лицо.

* * *

Это чудо – я ещё живу.
Над водой, в зелёных клубах дыма,
Сквозь кусты, над ровным лугом – мимо
Ельника – не в мысли, наяву –
О высокий берег ударяя,
В отдалённой чаще замирая,
Приглушённым эхом перевит,
Через годы – голос мой летит...